Н. ЗАОЗЕРСКІЙ
ПРОФЕССОРЪ КАНОНИЧЕСКАГО ПРАВА.

О НУЖДАХЪ ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ НАСТОЯЩАГО ВРЕМЕНИ.

Цѣна 25 коп.

Сергіевъ посадъ.
Изданіе Н. М. Елова.
1909.

Н. ЗАОЗЕРСКІЙ
ПРОФЕССОРЪ КАНОНИЧЕСКАГО ПРАВА.

О НУЖДАХЪ ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ НАСТОЯЩАГО ВРЕМЕНИ.

Сергіевъ посадъ, Московской губерніи.
Изданіе Н. М. Елова.
1909.

Типографія Вильде, Москва. Малая Кисловка, собственный д.

Предисловіе.

Предлагаемый сборникъ вызванъ заявленіемъ знакомыхъ автору лицъ (духовныхъ и свѣтскихъ) желанія имѣть подъ руками въ отдѣльномъ изданіи статьи о церковныхъ нуждахъ настоящаго времени, печатавшіяся въ теченіи 1908 г. въ газетѣ „Голосъ Москвы“.

Авторъ.

По поводу слуховъ о соборѣ русской православной церкви.

Изъ Петербурга не перестаютъ появляться печальныя сообщенія объ отсрочкѣ созыва церковнаго собора. Особенно характерно въ этомъ отношеніи послѣднее сообщеніе: „Въ засѣданіи святѣйшаго синода редакціонная комиссія по выработкѣ докладовъ для собора пришла къ заключенію, что предполагаемый весною текущаго года созывъ, въ виду настоящаго положенія страны, не можетъ осуществиться, и что онъ будетъ возможенъ лишь при полномъ успокоеніи страны". („Гол. Москвы", № 14).

Особенно характерна въ этомъ сообщеніи мысль о *„полномъ успокоеніи страны"*, какъ необходимомъ условіи для созыва собора. Она невольно поднимаетъ вопросы: что такое полное успокоеніе такой обширной страны, какъ Россія? Возможно ли оно когда-нибудь? А съ другой стороны,—и такіе вопросы: что же такое представляетъ собою церковный соборъ, который осуществимъ и благотворенъ только при наличности этого страннаго условія? Не есть ли это только пышное церковное торжество, требующее тишины, порядка и солидныхъ денежныхъ затратъ, ни для чего болѣе не нужное, какъ развѣ для развлеченія отъ скуки,

или какъ отбытіе канонической повинности, которую безъ всякаго ущерба для пользы службы можно и совсѣмъ упразднить?

Если подлежащія сферы такъ мыслятъ, то — мало радости для когда-то господствовавшей православной русской церкви. Наступившему на смѣну этого господства уничиженію ея не предвидится конца, а предвидится нѣчто еще болѣе печальное...

Да, еще такъ недавно было время ея господствованія не въ Россіи только, но и далеко за ея предѣлами. Мы разумѣемъ не оффиціальное ея положеніе въ государствѣ, какъ „вѣдомства", а именно какъ „церкви христіанской" – моральное. Мы имѣемъ въ виду эпоху 40—70 годовъ. Тогда были въ ней пастыри — епископы и пресвитеры, пользовавшіеся глубокимъ уваженіемъ въ передовыхъ кругахъ русской интеллигенціи и простого народа, имена которыхъ извѣстны были съ лучшей стороны въ западной и южной Европѣ и въ Америкѣ. Въ ней были міряне, Хомяковы, Аксаковы и не только славянофилы, но и западники...

Да, въ лучшихъ умахъ Россіи „православіе" считалось единственнымъ въ свѣтѣ вѣроисповѣданіемъ, наилучшимъ образомъ осуществлявшимъ христіанство, вѣроисповѣданіемъ жизненнымъ и животворнымъ, чуждымъ крайностей католицизма съ его тиранiей свободнаго христіанскаго духа—и протестантизма съ его бездушнымъ учительно-религіознымъ педантизмомъ. Богословскія науки и литература, разцвѣтшія въ эту эпоху, пробудили невиданный дотолѣ интересъ къ русскому православію въ средѣ богослововъ Германіи, Англіи, Франціи, Италіи и южныхъ славянъ.

Старокатолики, англикане, южные славяне, румыны, греки начали съ глубокимъ интересомъ заниматься русскою церковью. Все это было, и такъ недавно. А теперь что?

Православная русская церковь, упорно сжимается въ тискахъ бюрократіи, при окружающемъ подъемѣ жизни, засыпаетъ и мельчаетъ. Плотина, бюрократіею поддерживаемая, не въ состояніи справиться съ тѣми обходными путями, которыми уходятъ изъ-за этой плотины члены ея, уходятъ въ католичество, протестантство, магометанство, язычество или невѣріе.

Минувшимъ лѣтомъ намъ пришлось видѣть въ деревнѣ такую живую картину: „у мельника вода плотину просочила“. Мельница была старая, не хорошая; давно она требовала капитальнаго ремонта, но, полагаясь на „авось“, мельникъ не думалъ безпокоить себя крупнымъ ремонтомъ, а такъ, по маленьку, чинилъ себѣ отъ года въ годъ заплатами и по дешевымъ цѣнамъ свою плотину. И вотъ настало половодье, неожиданное по силѣ (дѣло было къ осени, только бы работой заниматься); — вода плотину просочила... да добро бы плотину, а нашла она себѣ обходные пути и съ той и съ другое стороны плотины— по песчанымъ берегамъ. Мельникъ успѣлъ укрѣпить плотину, но образовались два свободныхъ по обѣимъ ея сторонамъ рукава, и запруженная имъ вода утекла по нимъ. И стоитъ теперь сухая твердая плотина, а за нею — въ „ковшикѣ“ — мутная и мелкая водица, разумѣется, безсильная вертѣть мельничныя колеса.

Такое положеніе видится и въ будущемъ православной нашей церкви, если не ускорено будетъ принятіе энергическихъ и дѣйствительныхъ мѣръ къ улуч-

шенію ея управленія — центральнаго и мѣстнаго. Ея живая вода уйдетъ изъ плотины, превратится въ секты, въ невѣріе, а у ней останется только сухая плотина въ видѣ учрежденій, имѣющихъ существовать сами для себя.

Соборъ церковный — не прихоть, а единственная мѣра и средство дѣйствительнаго удовлетворенія назрѣвшихъ нуждъ церковныхъ. Дожидаться успокоенія страны — непростительное нерадѣніе и безумный совѣтъ. Соборъ церковный, наоборотъ, есть одно изъ радикальныхъ и сильныхъ средствъ *успокоенія* страны, или, лучше сказать, *оздоровленія* страны.

Истинная Христова церковь имѣетъ своимъ призваніемъ именно *оздоровленіе* всякой страны, будь это языческая, магометанская или христіанская страна, наслаждается ли она политическимъ миромъ, или же испытываетъ ужасы революціи, или бѣдствія отъ внѣшней несчастной войны. Кромѣ этой миссіи она не знаетъ, по крайней мѣрѣ, не должна знать никакой другой. Но всего именно хуже, если она впадетъ въ апатію, погрузится въ сладкій сонъ въ ожиданіи, пока страдающая и мятущаяся страна совершенно успокоится геніемъ политическихъ дѣятелей. И путь и средства для достиженія этого оздоровленія у нея тождественны и неизмѣнны. Это—пастырское воздѣйствіе на совѣсть индивидуальную и общественную. Воздѣйствіе на *политическую* дѣятельность и жизнь страны—если и составляетъ ея задачу, то самую отдаленную.

У насъ же теперь происходитъ какъ разъ наоборотъ. Тогда какъ всѣ иновѣрцы и сектанты Россіи, воспользовавшись манифестомъ 17 октября 1905 года,

съ похвальнымъ энтузіазмомъ и ревностію занялись устройствомъ своихъ внутреннихъ дѣлъ, старообрядцы начали строить вновь и реставрировать и украшать свои молитвенные дома и храмы, собираться купно для обсужденія мѣръ организаціи и наилучшаго использованія Высочайшаго манифеста, магометане — выписываться изъ православнаго вѣдомства, заботиться объ улучшеніи путешествія своихъ пилигриммовъ въ Мекку, католики и протестанты объ усиленіи пропаганды въ нашемъ отечествѣ; одни только православные христіане почти отвернулись совсѣмъ отъ своей церковной жизни и ударились въ политику. Ну, неужели это—нормальное состояніе и отношеніе православной церкви къ отечественной смутѣ?

Главная сфера дѣятельности церкви—*моральная*, а не политическая, и вотъ въ этой сферѣ пастыри должны дѣйствовать тѣмъ энергичнѣе, чѣмъ менѣе спокойна страна, дѣйствовать только нравственными мѣрами, предоставивъ всѣ другія иным дѣятелямъ. Единственное знамя ихъ — церковная хоругвь, а девизъ — „мы всѣ дѣти Единаго Отца и братья другъ другу“.

Это—должно быть единственнымъ руководителемъ всѣхъ начинаній и дѣятельности православнаго пастыря. Взорамъ его должна представляться не соціальная и политическая смута, а прежде всего болѣе опасная — нравственная смута, какая наблюдается теперь въ умахъ и сердцахъ русскихъ гражданъ. „Куда идти? Кому вѣрить? На что надѣяться? Что любить? Есть Богъ? Есть вѣчная жизнь? Есть святость и грѣхи? Есть бракъ и развратъ?“ и т. д. и т. д. На всѣ эти вопросы, прежде всего занимающіе ка-

ждую индивидуальную человѣческую единицу, въ настоящее время не дастъ отвѣта категорическаго яснаго и твердаго ни наука, ни искусство, ни литература. На нихъ дастъ отвѣтъ только *церковь*—всего лучше православная церковь - своимъ богослуженіемъ, которое есть конкретное и поэтому для всякаго понятное изображеніе ея божеественнаго ученія, твердо стоящаго другую тысячу лѣтъ, несмотря на всѣ бушевавшія и бушующія бури. „Или не знаете, — поучаетъ св. Іоаннъ Златоустъ, — что церкви Богъ устроилъ въ городахъ, какъ пристани на морѣ, чтобы убѣгали люди отъ бурь житейскихъ наслаждаться здѣсь величайшею тишиною".

Соборъ церковный—есть актъ церковный: въ немъ не должно быть и духа политики, вонъ изъ него всякіе политическіе замахи. Здѣсь только—одна моральная стихія должна жить и дѣйствовать.

Понятно, что если стать на эту, единственно вѣрную точку зрѣнія въ рѣшеніи вопроса о значеніи собора, то всякія заявленія о неблаговременіи созванія собора — есть чистая нелѣпость даже съ политической точки зрѣнія.

„Г. М." № 18, 1908 г.

Автономія церкви.

Съ трибуны народныхъ представителей 22 марта прозвучало единогласно выраженное сочувствіе пережитому и переживаемому несправедливо тяжелому положенію православной церкви въ русскомъ государствѣ и выражено искреннее желаніе скорѣйшаго измѣненія его къ лучшему.

Смѣта св. синода утверждена почти безъ возраженій; размѣръ суммы, испрашиваемой на расходы для православной церкви въ 29.739.152 р. не вызвалъ никакого замѣчанія со стороны высокаго собранія, вовобще, чрезвычайно бережно относящагося къ „народнымъ деньгамъ“. Мало того: „при разсмотрѣніи отдѣльныхъ статей смѣты возникали предположенія о необходимости дальнѣйшихъ и большихъ увеличеній“ (рѣчь г. Ковалевскаго).

Такое благожелательное отношеніе къ православной церкви со стороны несоизмѣримаго большинства народныхъ представителей тѣмъ болѣе дорого, что оно явилось не какъ результатъ моментальнаго настроенія, вызваннаго какимъ-либо случайнымъ мотивомъ, (напр. блестящею рѣчью какого-либо оратора), нѣтъ, оно было результатомъ глубоко созданнаго убѣжденія, вынесеннаго изъ внимательнаго разсмотрѣ-

нія статей смѣты и серьезной, хотя и весьма строгой ея критики.

Да, бюджетною комиссіей смѣта синода была подвергнута критикѣ весьма строгой, но справедливой и мѣткой.

Слѣдуетъ положительно удивляться, что комиссія смогла въ сравнительно короткій срокъ такъ мастерски справиться со своей трудной задачей. Недостатки отчетности и цѣлаго финансоваго хозяйства въ „вѣдомствѣ православнаго исповѣданія", комиссіею схвачены совершенно вѣрно, выражены и поставлены на видъ убѣдительно и ясно; объяснены и причины ихъ. И съ какой деликатностью по отношенію къ православной церкви объяснены они! „Финансовое хозяйство синода—говорилъ докладчикъ, - представляетъ рядъ историческихъ наслоеній, въ которыхъ весьма трудно разобраться. Но... „произошло это не по винѣ церкви, а изъ общей политики государства по отношенію къ церковному имуществу, начиная съ Петра I-го".

Насколько вѣрна, правдива и мѣтка была критика хозяйства и отчетности въ вѣдомствѣ православнаго исповѣданія, можно судить уже потому, что наиболѣе видные представители его—оберъ-прокуроръ св. синода и епископъ Евлогій въ своихъ рѣчахъ *ничего* не могли возразить противъ нея *по существу*.

Но признавъ за доказанное, что „финансовое хозяйство духовнаго вѣдомства подлежитъ коренным реформамъ", представители православной церкви вѣрно указали *слабый* пунктъ въ докладѣ комиссіи, заключающійся въ ея требованіи: 1) подчинить церковное хозяйство общему государственному контролю, и 2)

въ рекомендаціи новаго порядка для пользованія спеціально церковными доходами монастырей, подворій и приходовъ. Неправильность такого *пути* къ упорядоченію церковнаго хозяйства заключается, съ одной стороны, въ рѣшительномъ *порабощеніи церкви государству*, съ другой, составляетъ грубое вторженіе послѣдняго въ сферу чисто церковной собственности. Раскрывая въ своей рѣчи эту идею, оберъ-прокуроръ св синода по необходимости долженъ былъ выдвинуть на первый планъ принципіальный вопросъ высокой важности,—вопросъ *объ автономіи православной церкви въ русскомъ государствѣ*. Вотъ этотъ то вопросъ, занявшій все вниманіе народныхъ представителей и заставившій какъ бы позабыть на время вопросъ о самой смѣтѣ, какъ вопросъ менѣе важный, и придаетъ исключительную важность думскому дню 22 марта.

„Для церкви этотъ вопросъ,—говорилъ оберъ-прокуроръ, — имѣетъ громадное значеніе, такъ какъ въ томъ или иномъ разрѣшеніи его раскроется и самое отношеніе государства къ церкви. Захотимъ ли пойти по пути подчиненія церкви государству или рѣшительно станемъ на точку зрѣнія *внутренней самостоятельности церкви*, живущей рядомъ съ государствомъ, особой жизнью, въ союзѣ съ государствомъ, но не въ подчиненіи ему?“

Въ высокой степени замѣчательно, что такой оборотъ преній никого не удивилъ, никому не показался неожиданнымъ, какъ сенсаціонная новинка, но подхваченъ былъ всеобщимъ сочувствіемъ и вызвалъ заявленія въ пользу церкви православной, искреннія,

продуманныя, какія можетъ вызвать только давно назрѣвшій, наболѣвшій вопросъ.

„Внутренняя автономія церкви—говорилъ Родзянко, — съ теченіемъ времени должна пріобрѣтать все больше и больше признанія со стороны государства. Это признаніе должно быть основано на сознаніи государствомъ того, что церковь сильна своей нравственной мощью, своимъ духомъ и не нуждается въ въ воздѣйствіи государства для отправленія своихъ обязанностей—святыхъ, несомнѣнно полезныхъ и необходимыхъ для государства". „Подчиненіе церкви государству не должно имѣть мѣста" (Карауловъ). „Возвратите церкви ея самоуправленіе, ея соборность, тогда не раздастся голосовъ за вмѣшательство государства въ хозяйственныя дѣла возрожденной свободной православной церкви". (Ефремовъ 2-й).

Насколько эти и подобныя заявленія выражаютъ настроеніе нашего общества, „нашихъ мірянъ" въ данный моментъ, нельзя не признать высокой его важности въ жизни православной церкви.

Настала пора созыва помѣстнаго церковнаго собора. Онъ – такая же необходимость для обновленія православной церкви, какъ Государственная Дума для обновленія русскаго государства.

Всякое промедленіе есть только продолженіе ея испытанія, ея страданій и съ этой точки зрѣнія—тяжкій грѣхъ предъ Главою Ея — Христомъ, предъ верховнымъ ея покровителемъ Государемъ и передъ всѣмъ многомилліоннымъ православнымъ народомъ.

„Г. М." № 75, 1908 г.

Нужды провинціальной церковной жизни.

Въ Высочайше учрежденномъ предсоборномъ присутствіи были между прочимъ выдвинуты и съ большимъ оживленіемъ дебатировались два вопроса, весьма важныхъ для нашей провинціальной церковной жизни — вопросъ о викарныхъ епископахъ и — о приходахъ.

Сущность дебатовъ по первому изъ этихъ вопросовъ дала въ результатѣ ясно сознанное и точно формулированное убѣжденіе въ неудовлетворительности этого института въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существуетъ. Между тѣмъ въ принципѣ — это очень важный институтъ. Наиболѣе онъ былъ бы использованъ, если бы викарные епископы были преобразованы въ уѣздныхъ епископовъ съ извѣстною долею самостоятельности по рукоположенію и надзору въ районѣ уѣзда, но, конечно, въ канонической зависимости отъ епархіальнаго или губернскаго епископа.

Польза такого видоизмѣненія очевидна, если принять во вниманіе даже только слѣдующія соображенія: 1) наши епархіи такъ обширны, что ни одному епархіальному архіерею нѣтъ физической возможности обозрѣть всѣ приходы своей епархіи не только въ

три года — по требованію дѣйствующаго права — но даже и во все время своего епископства. Въ каждой епархіи у насъ *найдутся приходы, въ которыхъ никогда не бывало ни одного архіерея;* 2) уѣздный епископъ имѣлъ бы возможность не только обозрѣвать всѣ приходы уѣзда, но и знать ихъ, могъ бы даже въ нѣкоторыхъ сельскихъ приходскихъ храмахъ совершать рукоположенія въ священныя степени лицъ клира этихъ приходовъ: какимъ великимъ праздникомъ для сельскаго прихода было бы это событіе — объяснять нѣтъ нужды.

Но что особенно важно, такъ это то, что съ введеніемъ уѣздныхъ епископомъ нашъ простой православный народъ узналъ бы наконецъ, *что такое православный архіерей.*

Столичный читатель, можетъ быть, съ удивленіемъ скажетъ: да развѣ нашъ простой народъ не знаетъ, что такое православный архіерей? Не удивляйтесь же, если я, хорошо знакомый съ провинціальною жизнью, скажу вамъ, что дѣйствительно не знаетъ.

Вотъ фактъ: мнѣ пришлось быть на урокѣ въ одной церковно-приходской школѣ. Съ любезнаго разрѣшенія законоучителя я предложилъ одному умненькому мальчугану вопросъ: а знаешь ли ты, что такое архіерей? — „Знаю, что начальникъ, который осудилъ Іисуса Христа“.—А какъ его звали? - „Одного Анна, другого—Каіафа“.—А у насъ есть теперь архіерей?— „Нѣтъ“.

Вотъ фактъ имѣвшій мѣсто не въ какой-либо захолустной губерніи, а въ одной изъ центральныхъ и болѣе культурныхъ—Ярославской.

Думаю, что законоучитель послѣ моего посѣщенія

исправилъ этотъ недочетъ въ знаніи своихъ учениковъ, очевидно хорошо сравнительно ознакомленныхъ съ Евангеліемъ, но полагаю, что это стоило ему весьма большихъ усилій. Между тѣмъ, одна архіерейская литургія, прослушанная этимъ мальчуганомъ, безъ всякихъ усилій подарила бы его яснымъ представленіемъ о томъ, что такое православный архіерей.

Но учрежденіе уѣздныхъ епископовъ такая мѣра, которая безъ собора — невозможна, а когда будетъ соборъ, да и будетъ ли онъ когда нибудь—это только Богу извѣстно. Нельзя ли однако же пока хотя какъ либо использовать служеніе настоящихъ викарныхъ епископовъ для освѣдомленія нашего темнаго православнаго народа въ такихъ элементарныхъ основахъ церковнаго устройства, какова, напр., тройственность іерархіи? Намъ кажется, что и безъ собора святѣйшій синодъ могъ бы ввести такія мѣры: 1) принять за непремѣнное правило совершать чинопослѣдованія нареченія и хиротоніи викарнаго епископа въ томъ уѣздномъ городѣ, имя котораго стоитъ въ титулѣ рукополагаемаго, 2) поставить викарному епископу въ непремѣнную обязанность ежегодно обозрѣвать всѣ приходы *своего уѣзда*.

Первая изъ этихъ мѣръ нѣсколько разъ уже примѣнялась св. синодомъ, но почему-то оставлена. А между тѣмъ она крайне необходима, необходима прежде всего для приданія жизненности самимъ этимъ чинопослѣдованіямъ.

Эти чинопослѣдованія весьма назидательны и способны произвести впечатлѣніе не „зрѣлищъ“, а глубокодѣйственнаго священнодѣйствія именно въ средѣ тѣхъ молящихся насомыхъ, для которыхъ нарекается

и „рукополагается“ или „поставляется“ архипастырь. Въ самомъ дѣлѣ, какъ много утрачиваетъ, напр., чинъ нарѣченія кинешемскаго епископа въ московской синодальной конторѣ въ присутствіи лишь небольшой кучки избранной публики и самое чинопослѣдованіе хиротоніи его въ московскомъ Успенскомъ соборѣ, при которомъ не присутствуетъ, можетъ быть, ни одного кинешемца!

Совсѣмъ другое значеніе возымѣли бы оба эти чинопослѣдованія, если бы были совершены въ кинешемскомъ кафедральномъ соборѣ...

Польза второй мѣры повидимому вовсе не нуждается въ разъясненіи.

Въ виду констатированнаго факта частыхъ отпаденій отъ православія, усиленное посѣщеніе архипастырями своихъ паствъ — неотложная потребность провинціальной церковной жизни, болѣе неотложная, чѣмъ посѣщеніе миссіонерами.

Не менѣе неотложна и другая провинціальная церковная нужда — улучшеніе приходской жизни. Но о ней—въ другое время.

„Г. М.“, № 100, 1908 г.

Обезпеченіе бѣлаго духовенства.

Вопросъ объ обезпеченіи бѣлаго русскаго духовенства весьма трудный, сложный и въ то же время—нетерпящій отлагательства. Удовлетворительное обезпеченіе бѣлаго духовенства – нужда, мало сказать—вопіющая, это—кричащая нужда.

Такое впечатлѣніе производитъ непосредственное наблюденіе надъ бытомъ его; такое же впечатлѣніе было высказано торжественно съ трибуны Государственной Думы 20 мая представителями православной церкви. Подъ вліяніемъ этого впечатлѣнія послѣдовало и рѣшеніе Думы объ ассигнованіи 400 тыс. на увеличеніе содержанія православнаго духовенства.

Привѣтствуя это справедливое, гуманное, мудрое рѣшеніе Государственной Думы, мы почитаемъ удобнымъ моментомъ высказать свои соображенія по этому предмету, имѣющія отношенія къ нѣкоторымъ рѣчамъ, произнесеннымъ въ это засѣданіе.

Прежде всего, по нашему мнѣнію, нельзя не отмѣтить и не запечатлѣть въ памяти того принципіальнаго положенія, прямо и косвенно выраженнаго съ трибуны народныхъ представителей 20 мая, что жалованье бѣлому духовенству въ той нормѣ, какая

установлена закономъ 1893 г., есть *только субсидія со стороны государства* къ тѣмъ мѣстнымъ церковнымъ источникамъ, которыми обезпечивалось доселѣ православное духовенство, а отнюдь не средство обезпеченія, эти источники упраздняющее или закрывающее. Что эти мѣстные *церковные* источники не только должны быть оставлены за духовенствомъ и при государственной субсидіи, нормированной закономъ 1893 года, но и должны оставаться навсегда основнымъ фондомъ обезпеченія, — это ясно, на нашъ взглядъ, изъ слѣдующихъ соображеній:

а) Высшая субсидіарная норма обезпеченія по закону 1893 г. опредѣляется въ такихъ цифрахъ: священникъ получаетъ 600 руб., діаконъ 300 руб., псаломщикъ 200 руб. Такое обезпеченіе очень скудно: поступить на означенныя церковныя должности за такое вознагражденіе можетъ быть согласится крестьянинъ (не оставляя своей земли), мѣщанинъ (не оставляя своего ремесла) съ низшимъ образованіемъ, но едва ли кто-нибудь другой; ибо послѣднему выгоднѣе поступить въ урядники или даже стражники.

Судимъ по человѣчески: ибо избранникъ Божій согласится, конечно, занять эти должности не только за такое вознагражденіе, но и безъ всякаго вознагражденія. Не отвергаемъ возможности этихъ чрезвычайныхъ случаевъ, но твердо помнимъ правило, что при установленіи нормы чрезвычайное не принимается за обычайное.

б) И по самому существу вещей государственное жалованье, какъ средство обезпеченія, подвержено большимъ случайностямъ и колебаніямъ, чѣмъ мѣстные *церковные* источники. Возможно, напримѣръ, что со-

ставъ членовъ будущей Государственной Думы будетъ не такъ расположенъ къ духовенству и уменьшитъ субсидію, возможны и для государства такія бѣдственныя обстоятельства, какъ война, голодъ, смута и т. п., при которыхъ и само духовенство не рѣшится просить у государства субсидіи.

Но и все это еще не важно; важнѣе то, что церковные источники обезпеченія, какъ то: церковная земля и доходы алтаря (такъ называемыя требоисправленія), — суть такіе источники, которые имѣютъ за собою не только вѣковую русскую историческую давность, но и освящены и санкціонированы Вселенскою Церковью: это — аксіома каноническаго права не только православной Восточной церкви, – но аксіома права Христіанской Вселенской Церкви.

Вотъ какъ выражена эта аксіома:

1) „Законъ Божій постановилъ, да служащіе Олтарю отъ Олтаря питаются“ (Апост. 41).

2) „Аще кто, епископъ или игуменъ, окажется что-либо изъ угодій, принадлежащихъ епископіи или монастырю, продавшимъ въ руки властей, или отдавшимъ иному лицу: не твердо да будетъ опое отдаяніе, по правилу Святыхъ Апостолъ, глаголющему: епископъ да имѣетъ попеченіе о всѣхъ церковныхъ вещахъ, и оными да распоряжаетъ, яко Богу назирающу: но не позволительно ему присвояти что-либо изъ оныхъ, или сродникамъ своимъ дарити принадлежащее Богу: аще же суть неимущіе, да подастъ имъ яко неимущимъ, но подъ симъ предлогомъ, да не продастъ принадлежащаго церкви. Аще поставляютъ въ предлогъ, что земля причиняетъ убытокъ и никакой пользы не доставляетъ: то и въ семъ случаѣ не отдавати поля мѣстнымъ начальникамъ, но клирикамъ или земледѣльцамъ. Аще же употребятъ лукавый оборотъ и властелинъ перекупитъ землю у клирика, или земледѣльца: то и въ семъ случаѣ продажа да будетъ недѣйствительна, и проданное да будетъ возвращено епископіи, или монастырю: а епископъ или игуменъ, тако посту-

пающій, да будетъ изгнанъ: епископъ изъ епископіи, игуменъ же изъ монастыря, яко злѣ расточающіе то, чего не собрали“ (VII Всел. Соб. прав. 12).

Значитъ, по смыслу правила,—„отчужденіе церковной земли—святотатство“.

Но и этого мало. Мѣстные церковные источники должны почитаться *основными* (основнымъ, неприкосновеннымъ фондомъ) даже по общему теоретическому соображенію, что служба духовенства есть прежде всего служба *церковно-общественная* (а потомъ уже—государственная). Даже и такая газета, какъ петербургскій „Колоколъ“, признаетъ, что духовенство несетъ „пастырскую службу церкви и народу“ (№ 673, 21 мая. Передовая статья). Но что бы это была за церковь - общество, если бы она была не въ состояніи, или не сумѣла бы обезпечить содержаніе своихъ служителей?!! Съ этой точки зрѣнія былъ совершенно правъ депутатъ Кропотовъ, заявившій отъ имени крестьянъ (о, ужасъ!), что *„содержать духовенство должны общины“*.

Да, это—тоже аксіома и мы твердо убѣждены, что будь у насъ приходскія общины болѣе богаты матеріально и болѣе преданы церкви, онѣ обезпечили бы такъ свое духовенство, что послѣднее само отказалось бы отъ государственной субсидіи. А пока онѣ въ большинствѣ очень бѣдны и не такъ преданы церкви, какъ бы желательно, — государственная субсидія необходима и депутатъ Кропотовъ совершенно неправъ, отказывая имъ въ этой субсидіи.

Итакъ, какой же политики по вопросу объ обезпеченіи духовенства должна держаться въ будущемъ

наша церковная власть, само духовенство, народъ и правительство?

Эту политику можно, по нашему мнѣнію, вкратцѣ формулировать такъ: нужно стремиться къ тому, чтобы наши *православныя общины*, или *приходы* были такъ богаты и преданы церкви, чтобы совсѣмъ не нуждались въ государственной субсидіи.

— Но вѣдь это политика платоническая, наивная, иллюзорная!—воскликнетъ читатель.

Нѣтъ, отвѣтимъ мы: это политика реальная и довольно простая.

Въ рѣчи г. синодальнаго оберъ-прокурора выведены были на справку между прочимъ слѣдующія данныя: „въ австрійской Буковинѣ священникъ получаетъ, кромѣ земельнаго надѣла, кромѣ платы за требы, еще содержаніе отъ 420 до 600 руб., дьяконъ получаетъ около 400 руб кромѣ квартирныхъ денегъ, для многосемейныхъ священниковъ устроены особыя прибавки. Въ другой австрійской провинціи—Далмаціи — священникъ получаетъ кромѣ платы за требы, отъ 400 до 720 руб. и пятилѣтнія прибавки".

Прочитавъ эти строки, естественно спрашиваешь: почему это православные сербы, румыны, словаки — подданные Австро-Венгріи—сумѣли такъ хорошо обезпечить свое духовенство? Неужели потому, что они богаче и преданнѣе церкви великаго русскаго народа?

Боюсь не только утвердительно отвѣчать на послѣдній вопросъ, но даже и ставить его, потому именно боюсь, чтобы этимъ вопросомъ не оскорбить русскій народъ и православную русскую церковь.

Но почему же въ такомъ случаѣ? Причина простая— потому именно, что у нихъ *приходско-общинная организація* несравненно лучше нашей.

Вотъ, если бы наши дѣятели по вопросу о возрожденіи прихода приняли себѣ въ примѣръ для подражанія приходское устройство этихъ православныхъ церквей, то можно надѣяться, что наша кричащая нужда о необезпеченности бѣлаго духовенства удовлетворена была бы вполнѣ, даже и безъ государственной субсидіи.

„Г. М.“, № 124, 1908 г.

Церковный вопросъ Закавказья.

Мученическая кончина экзарха Грузіи, высокопреосвященнаго Никона, естественно вызываетъ въ средѣ русскихъ іерарховъ роковой вопросъ: кому изъ нихъ выпадетъ жребій занять кафедру мученика?

Вмѣстѣ съ тѣмъ возникаетъ и другой болѣе сложный вопросъ—какъ вообще устроить церковныя отношенія на Кавказѣ, чтобы умирить ихъ, устранить въ корнѣ причины вражды религіозной, давно уже тамъ царящей.

Каждый изъ предшественниковъ мученически почившаго экзарха, конечно, во все время прохожденія своего тамъ служенія чувствовалъ себя, какъ въ горнилѣ испытаній и едва ли не каждый и по выходѣ изъ этого горнила, получивъ въ награду за подвигъ высшій архіерейскій постъ въ родной странѣ, не былъ вѣнчаемъ злорѣчіемъ, злословіемъ, клеветою въ мѣстныхъ кругахъ, а то и въ русской печати.

Да, кто изъ русскихъ іерарховъ, занимавшихъ экзаршескую кафедру Грузіи, не увѣнчанъ этимъ терновымъ вѣнцомъ? А между тѣмъ — это все безъ исключенія были выдающіеся епископы русской церкви. Гдѣ же причина этого страннаго явленія и нужно ли это мученичество?

Причина коренится въ той *политической* задачѣ, которую навязываетъ на экзарха его санъ. Воспріявъ на себя этотъ санъ, экзархъ Грузіи долженъ прежде всего, если не единственно, помнить, что онъ долженъ всѣ силы свои положить на обрусеніе грузинъ на религіозной почвѣ. И эту политическую (въ то же время совершенно антицерковную) задачу экзархъ долженъ осуществлять грубыми средствами воспрещенія, пресѣченія, подавленія и т. д въ союзѣ съ государственными дѣятелями и, конечно, по ихъ усмотрѣнію.

Возможная ли эта задача? Столѣтній опытъ (со времени упраздненія грузинской автокефаліи) неопровержимо доказалъ, что она невозможна. Да и по существу дѣла—она такова

Возможно ли грузина, живущаго въ Грузіи, сдѣлать русскимъ? Правильный и ясный отвѣтъ дастъ встрѣчный вопросъ: можно ли русскаго человѣка, напр., ярославца или московца, сдѣлать грузиномъ?

Что сдѣлать такое насильственное превращеніе насильственными мѣрами невозможно — разъясненій не требуется Но совершенно возможное явленіе, что *сами* грузины восчувствуютъ такую симпатію къ русскимъ и ко всему русскому, что безъ всякаго принужденія, по своей доброй волѣ, станутъ усвоять себѣ то изъ русскаго, что имъ по душѣ. Вотъ, если бы политика обрусенія была поставлена такъ, то чудодѣйственное превращеніе совершилось бы и въ въ данномъ случаѣ всего легче именно на церковной или религіозной почвѣ.

Но въ чемъ же суть этой чудодѣйственной церковной политики?

Признаюсь, что сознавая себя всего менѣе политикомъ и поставивъ однако же этотъ чисто политическій вопросъ, я чувствую не малый страхъ показаться наивнымъ въ своихъ политическихъ соображеніяхъ. И если я однако же отваживаюсь на это, то потому, что рѣшаюсь высказать именно не *свои* политическія соображенія, а напомнить лишь церковно-политическую практику и завѣты нашей давней, глубокой старины, нашихъ древнихъ учителей церковной политики — древнихъ греческихъ патріарховъ.

Спрашивается, какимъ образомъ случилось, что природные русскіе люди, нимало не поступаясь своимъ языкомъ, своими національными правами, своими воззрѣніями, подъ часъ совершенно языческими, и состоя въ теченіе столѣтій подъ властью константинопольскихъ патріарховъ были и остались такими грекофилами, что въ исповѣданіи вѣры, соблюденіи обычаевъ и церковныхъ каноновъ превзошли самихъ грековъ (точнѣе, византійцевъ)? Вѣдь какихъ громадныхъ усилій стоило Петру и его преемникамъ ослабить это наше грекофильство въ церковныхъ дѣлахъ!

Чѣмъ же константинопольскіе патріархи привлекали къ себѣ русскихъ и настолько успѣвали въ дѣлѣ эллинизаціи, что иногда чувствовали себя даже плохо, когда получали отъ своихъ учениковъ внушенія по части истоваго совершенія церковныхъ службъ?

Вотъ вкратцѣ ихъ политическіе пріемы:

а) Они не только не старались о распространеніи греческаго языка въ богослуженіи и школахъ древ-

ней Руси, но позаботились объ изобрѣтеніи славянскаго шрифта, славянской грамоты и созданіи русскаго литературнаго языка. И если этотъ литературный языкъ и шрифтъ оказались въ сущности полугреческими, то произошло это не потому, чтобы они желали эллинизировать русскихъ и славянъ, а просто потому, что не будучи сами русскими и славянами, не смогли одолѣть съ большимъ успѣхомъ этой филологической задачи. Въ дѣйствительности выходило наоборотъ: сами русскіе государи и святители домогались всѣми средствами привлечь ученыхъ грековъ, чтобы они обучали русскихъ греческому языку, греческой службѣ, греческимъ порядкамъ.

б) Греческіе патріархи отнюдь не навязывали грековъ въ русскіе митрополиты и епархіальные епископы, а предоставляли избраніе кандидатовъ „князю и людямъ", сами же только „ставили", т.-е. рукополагали митрополита русскаго, причемъ, конечно, взимали значительныя пошлины за ставленіе. Отсюда выработались знаменитыя догмы древнерусскаго каноническаго права, напримѣръ:

1) „нѣсть праведно наскакати на святительскій престолъ (т.-е. добиваться епископской кафедры собственнымъ починомъ, происками разнаго рода), но его же восхощетъ князь и людіе его", „не избраша его людіе земли нашея";

2) „нѣсть того въ законѣ, чтобы епископамъ „ставить", т.-е. рукополагать, митрополита; ставитъ его патріархъ" (Слова Нифонта, епископа новгородскаго. Ср. 28 пр. IV Всел. Соб.).

в) Константинопольскій патріархъ совсѣмъ не вмѣшивался въ дѣла русской церкви по собственному

почину, а если когда и допускалъ это, то не иначе, какъ по просьбѣ самихъ же представителей русской церкви, или великихъ князей Руси. Въ такихъ случаяхъ онъ отвѣчалъ своею грамотою, а иногда посылалъ и своего экзарха для непосредственнаго ознакомленія съ дѣломъ. Эта грамота звучала властнымъ тономъ, но *властно-церковнымъ*, а не приказно-бюрократическимъ, напримѣръ:

„Благороднїи честнїи бояре, мужіе Псковичи, сынъ мой посадникъ, и тысяцкій, и соцьскій, и вси дѣти мои и прочїи христоименитїи людіе въ русскомъ градѣ Псковѣ и предѣлахъ его обрѣтающіися, чада о Господѣ возлюбленная нашего смиренія .. Пишемъ и извѣстуемъ вамъ отецьки, яко своимъ чадомъ, яко церкви участію, яко самого того уди Главы Христа всея церкви, престаните отъ раздоровъ и разлученій и т. д. *).

г) Но главное отличіе церковной политики константинопольскаго патріарха и его питомцевъ, древне-русскихъ митрополитовъ и епископовъ состояло въ томъ, что они были совершенно чужды государственнаго политиканства и въ государственныя дѣла *по своему почину* не вмѣшивались. Они жили исключительно *церковною жизнью*, *церковными интересами* и если докучали нерѣдко государству своими просьбами и „печалованіемъ“ — то, въ такомъ случаѣ, все-таки не сходили ни на шагъ съ своей церковной позиціи. И если, несмотря на такое отчужденіе отъ государственной политики, не рѣдки примѣры ихъ очень значительнаго вліянія на эту политику, то объ-

*) Грамота н. Нила во Псковъ. Около 1882 г.

ясняется это тѣмъ, что сами правители обращались къ нимъ за совѣтомъ, и тѣмъ, что нѣкоторые изъ древне-русскихъ святителей дѣйствительно обладали и политическимъ тактомъ. Но и въ такихъ случаяхъ наши святители высказывались совершенно свободно, выдерживая свою точку зрѣнія, не заботясь о томъ— будутъ пріятны или непріятны ихъ рѣчи тѣмъ, кто ихъ спрашиваетъ. О нихъ можно было сказать то же, что нашъ поэтъ говоритъ о волхвахъ (ихъ словами):

„Волхвы не боятся могучихъ владыкъ
И княжескій даръ имъ не нуженъ".

Да и русскіе князья и государственныя учрежденія не были требовательны въ этомъ отношеніи: понравится имъ политическій совѣтъ святителя или игумена—примутъ его, а не понравится—терпѣливо выслушаютъ, да и поступятъ по своему.

Такова была наша древне-русская церковная политика. Она такъ естественна, проста и цѣлесообразна, что невольно приковываетъ къ себѣ вниманіе и въ наши дни тяжелаго кризиса, переживаемаго русскою православною церковью.

И, повидимому, ничто такъ не осложняетъ этого критическаго положенія, какъ именно навязываніе нашей іерархіи и духовенству разныхъ чисто политическихъ задачъ, въ числѣ коихъ не послѣднее мѣсто занимаетъ и задача обрусенія Закавказья чисто репрессивными мѣрами.

„Г. М.", № 129, 1908 г.

Благовѣщенское разореніе.

Къ сѣверо-западу отъ Сергіевой Лавры въ 3-хъ верстахъ за лѣсомъ и глубокими оврагами-„суходолами“, расположено на возвышенной мѣстности село Благовѣщенское (20 дворовъ) съ древнимъ деревяннымъ храмомъ Благовѣщенія Пр. Богородицы и недавно построенною и открытою церковно-приходскою школою.

Не многимъ богомольцамъ Лавры и туристамъ—любителямъ русской старины—извѣстно это захудалое въ настоящее время село: взоры ихъ отъ Лавры направляются на востокъ, а западъ съ его окрестностями остаются внѣ вниманія.

Между тѣмъ село, и, въ особенности, древній храмъ Благовѣщенія достойны вниманія.

Есть нѣкоторыя основанія полагать, что это село явилось на свѣтъ вскорѣ за основаніемъ обители Пр. Сергія и нѣкоторое время называлось „Княжимъ селомъ“, пожалованнымъ въ игуменство Пр. Никона обители Пр. Сергія удѣльнымъ радонежскимъ княземъ Андреемъ Владиміровичемъ, за свои благодѣянія обители до сихъ поръ чтимымъ ею. Храмъ устроенъ былъ тогда же. Но къ какому времени относится до нынѣ сохранившійся—къ XVIII или XVII-му вѣку—

судить объ этомъ можно только спеціалисту-архитектору, хорошо знакомому съ древнерусскимъ церковностроительнымъ дѣломъ: сохранившіеся немногіе документы на этотъ вопросъ не даютъ отвѣта. Писцовыя книги говорятъ кратко: „храмъ—строеніе монастырское“...

Храмъ производитъ впечатлѣніе не красотою стиля и художественностью отдѣлки, а напротивъ — поразительною простотою.

Онъ продолговатый, состоитъ изъ трехъ квадратныхъ отдѣленій, какъ бы приставленныхъ одно къ другому, алтаря и „звонницы“. Первый квадратъ—главная церковь съ алтаремъ, затѣмъ — трапеза и притворъ. Эти три квадратныхъ отдѣленія сообщаются широкими одностворчатыми, толстыми, крѣпкими дверями съ массивными „нутряными“ замками. Все въ немъ, не говоря объ иконостасѣ, иконахъ (нѣкоторыя датированы 1702 г.), утвари (крашеныя облаченія, оловянные сосуды, круглая хоругвь стиля XVI в.), даже окна съ крѣпкими желѣзными костылями (вмѣсто рѣшетокъ), дверные замки—цѣнное достояніе музея и въ тоже время все можетъ отлично служить своему священному назначенію. Въ храмѣ ощущается запахъ хорошей сосны и кипариса. „Вѣроятно въ стѣнахъ вставлено нѣсколько кипарисныхъ вѣнцовъ“, — высказался по этому поводу одинъ знатокъ устройства древнихъ русскихъ храмовъ.

До 1776 г. село Благовѣщенское съ 5-ю деревнями было самостоятельнымъ приходомъ. Но въ этомъ году вслѣдъ за отобраніемъ монастырскихъ вотчинъ, благовѣщенскій храмъ утратилъ свою приходскую самостоятельность и приписанъ къ Ильинской церкви въ

Сергіевомъ посадѣ, сюда же приписаны были и деревни, составлявшія благовѣщенскій приходъ. Въ 1803 году четыре деревни были отчислены къ приходамъ ближнихъ селъ (Захарьину и Деулину), а за ильинскою церковью оставлены село Благовѣщенское и деревня Гольково. Причтъ ильинской церкви пользуется въ настоящее время и церковною землею въ количествѣ 28 дес. 1200 кв. саженъ.

Это разореніе, постигшее благовѣщенскій приходъ, печально отразилось на самой народной святынѣ—храмѣ Благовѣщенія и прихожанахъ. Тесовая кровля храма во многихъ мѣстахъ прогнила, въ храмѣ появилась течь, кирпичный полъ мѣстами сталъ колебаться, такъ какъ прогнили нѣкоторые дубовые столбы, на коихъ былъ утвержденъ, въ колокольницѣ нѣкоторые вѣнцы прогнили. Съ горькими слезами разсказывалъ намъ объ этомъ уничиженіи и запущеніи храма Божія староста, крестьянинъ В. Н. Ушаковъ, совершенно не зная, какъ приняться хотя бы за поддержаніе падающаго храма. Но вотъ въ 1890 г. совершенно неожиданно явился благодѣтель въ лицѣ московскаго купца П. С. Каптелина, который на свои средства отлично возобновилъ храмъ: покрылъ новою желѣзною кровлею, ремонтировалъ колокольницу, внутри устроилъ новый деревянный полъ и нѣкоторыя иконы украсилъ ризами и окладами. Было у него намѣреніе обезпечить взносомъ содержаніе самостоятельнаго причта и возстановить благовѣщенскій приходъ, но смерть его воспрепятствовала осуществиться этому благому намѣренію.

Еще болѣе тяжело отразилось разоренье благовѣщенскаго прихода на прихожанахъ его.

— Тяжело намъ,—говорятъ они—носить мимо своего храма своихъ покойниковъ въ посадъ для отпѣванія, а оттуда снова въ село и зарывать у храма—безъ пѣнія. Тяжело мимо храма своего возить жениха и невѣсту въ посадъ для вѣнчанія. Тяжело въ Свѣтлый день Пасхи, въ Рождество, Вербное Воскресенье, Троицынъ День и другіе великіе праздники и воскресные дни, мимо своего храма ходить для богослуженія въ посадъ, оставляя стариковъ, больныхъ и маленькихъ дѣтей безъ службы. Одичали мы совсѣмъ".

Заканчивая свою печальную повѣсть о разореніи благовѣщенскаго прихода, позволяемъ себѣ выразить надежду, что прочитавшій ее благочестивый богомолецъ Лавры, или любитель народной русской старины, туристъ, не останутся глухи къ вопіющей церковно-приходской нуждѣ одной изъ окраинъ Лавры, нѣкогда процвѣтавшей подъ защитою обители великаго печальника русской земли, а въ настоящее время оскудѣвшей, и, по примѣру добраго Петра Сергѣевича Каптелина, помогутъ оправиться отъ разоренія.

„Г. М." № 156, 1908 г.

Крайности централизаціи церковнаго управленія.

Одною изъ причинъ вялости нашей церковной жизни, весьма сильно дѣйствующей, служитъ до крайности развитая въ организаціи нашего церковного управленія централизація.

Сущность этого недостатка въ слѣдующемъ: у насъ всякій актъ церковной жизни, въ какомъ бы отдаленномъ захолустьѣ онъ ни происходилъ, какъ бы малъ и незначителенъ онъ ни представлялся съ высшей центральной (для церкви) точки наблюденія, можетъ, однако же, совершиться не иначе, какъ „по указу". Возникаетъ, напр., неотложная потребность исправить кровлю храма, крестъ и куполъ, снесенные бурею, возобновить въ храмѣ испортившійся полъ, или угрожающій паденіемъ штукатурки потолокъ—все это можно исправлять не иначе, какъ дождавшись указа. Каждое совершеніе браковѣнчанія должно происходить по указу, звонить ко всенощной или литургіи должно непремѣнно по указу; просвирня не можетъ испечь просфоръ безъ указа... Это въ те-

кущихъ обычныхъ дѣлахъ. А что касается изъ ряда вонъ выходящихъ или болѣе или менѣе сложныхъ, то по этимъ дѣламъ на мѣстѣ нельзя ничего ни предпринять, ни совершить не только безъ указа, но и безъ самаго детальнаго наставленія и руководства свыше и безъ неукоснительнаго наблюденія ближайшаго начальства.

Кто же указываетъ и руководитъ до такихъ деталей нашею церковью жизнедѣятельностью? Оффиціально — Государь, а de facto - св. синодъ, оберъ прокуроръ, епархіальные и викарные епископы, консисторіи, благочинные А въ послѣдніе годы стали указывать многое по церковнымъ дѣламъ самимъ архіереямъ нѣкоторые губернаторы и вліятельные члены союза русскаго народа. По своей инициативѣ, ни прихожане, ни священникъ, не могутъ сдѣлать шагу безъ указа какого-либо изъ сихъ фактическихъ руководителей.

Конечно, если бы всѣ наши церкви, приходы, монастыри, или, какъ выражается нашъ оффиціальный языкъ, „мѣста“ епархіальнаго вѣдомства, соединены были сплошною сѣтью телеграфовъ и телефоновъ, то такая система управленія, пожалуй, представляла бы образецъ совершенства; но въ томъ то и бѣда, что ничего этого нѣтъ, а указы препровождаются въ видѣ казенныхъ пакетовъ обыкновенно почтою до благочиннаго, а послѣднимъ препровождаются по приходамъ черезъ нарочитыхъ ходоковъ или при оказіи, да и изготовляются эти указы очень и очень медленно. Напр., указъ о разрѣшеніи ремонта кровли на храмѣ получается иногда 8 мѣсяцевъ спустя по подачѣ просьбы о разрѣшеніи; указы объ утвержденіи въ

должности церковнаго старосты—спустя 6 мѣсяцевъ по избраніи. А такія дѣла, какъ, напр., построеніе школы или новаго храма часовни, ждутъ указа цѣлые годы.

Результатомъ такого порядка управленія является то, что на „мѣстахъ", которыхъ дѣло касается, время проходитъ въ томительномъ ожиданіи указа, а въ центральныхъ учрежденіяхъ — нескончаемая работа чиновничьихъ перьевъ и пишущихъ машинъ. На „мѣстахъ"—сонъ и вялыя, автоматическія движенія, а въ центральныхъ учрежденіяхъ бьетъ горячими ключами работа писанія; тамъ скука, а здѣсь невыносимо тяжело.

Въ предсоборномъ присутствіи былъ выставленъ на видъ этотъ недостатокъ нашего церковнаго управленія. Высказываемы были и мѣры къ устраненію его, напр., о „разгруженіи" св. синода отъ многихъ дѣлъ съ предоставленіемъ окончательнаго разрѣшенія ихъ въ епархіяхъ; о раздѣленіи всей православной церкви на митрополитскіе округа, объ умноженіи числа епархій, о возложеніи отвѣтственности на самыя епархіальныя учрежденія за ихъ дѣятельность безъ утверждающей каждый ихъ актъ власти епископа, о самоуправленіи приходовъ и проч. Но, увы!—эти указанія не удостоились надлежащаго вниманія и, должно быть, замрутъ на страницахъ протоколовъ присутствія. Какъ можно примѣтить изъ послѣдующей за окончаніемъ засѣданій предсоборнаго присутствія дѣятельности св. синода, его политика направляется только на усиленіе власти епископовъ, т. е. еще на дальнѣйшее развитіе церковной централизаціи.

И вотъ жизнь общества церковнаго „живаго тѣла церкви“ засыпаетъ, засыпаетъ. . Работаютъ, мучительно много работаютъ епископы и чиновники...

А между тѣмъ, въ религіозныхъ обществахъ, „внѣ церкви стоящихъ“, замѣтенъ необычайный подъемъ и возбужденіе. Тамъ всѣ члены обществъ, мужчины и женщины сами иниціаторы дѣла; тамъ свободно и легко собираются, совѣщаются; на собраніяхъ выслушивается каждая мысль, кому бы она ни принадлежала, мірянину или клирику, къ какой бы политической партіи онъ ни принадлежалъ. Созрѣвшее рѣшеніе быстро осуществляется исполнительною дѣятельностью тѣхъ, кто обсуждалъ и постановилъ его.

Въ этой значимости *общественнаго элемента*, въ этомъ значеніи *живого голоса* въ общественныхъ *дѣлахъ вѣры*, заключается причина жизнедѣятельности и роста иновѣрія, инославія и сектъ, часто не выдерживающихъ самой элементарной критики въ богословскомъ, моральномъ и соціальномъ отношеніяхъ.

Не то въ православной церкви. Здѣсь монополія активности крѣпко держитъ власть, да случайно примыкающія къ ней и угодныя лишь ей лица. Все же прочее общество церковное, не смотря на разнообразныя дарованія, интересы и домогательство къ дѣятельному участію въ жизни церкви, обречено на положеніе несовершеннолѣтнихъ дѣтей, которыя могутъ что-либо сдѣлать для церкви не иначе, какъ только по указу. Оттого-то оно и относится или совершенно равнодушно къ церкви, или въ лицѣ немногихъ выступаетъ въ качествѣ наблюдателя дѣйствій церковнаго начальства.

Миссіонерскій съѣздъ, между прочимъ, постановилъ: „Просить св. синодъ о предложеніи епархіальнымъ преосвященнымъ организаціи въ приходахъ благотворительности въ широкомъ размѣрѣ“. („Колоколъ“, № 722). Что-жъ? Будемъ ждать указа, а потомъ и займемся хоть благотворительною дѣятельностью.

Да, съ такимъ медленно ворочающимся рулемъ трудно церковному кораблю состязаться въ дѣятельности съ быстроходными ладьями иновѣрцевъ и сектантовъ.

„Г. М.“ № 176, 1908 г.

Анаѳема по усмотрѣнію.

Нѣчто маловѣроятное сообщаетъ „Колоколъ“ въ № 721 (въ отдѣлѣ: *Изъ церковной жизни).* Приводимъ цѣликомъ это сообщеніе:

Отлученіе отъ церкви. Въ 1906 г. одинъ изъ священниковъ волынской епархіи донесъ объ отпаденіи въ латинство нѣсколькихъ своихъ прихожанъ. Высокопреосвященнымъ Антоніемъ была положена такая резолюція: „Священнику предложить по *его усмотрѣнію объявить о преданіи* отпадшихъ *анаѳемѣ* въ церкви, или только имъ самимъ“. Такъ какъ священникъ, несмотря на свои старанія, не могъ найти случай видѣться съ отступниками, то рѣшился произнести отлученіе въ церковномъ собраніи всенародно.

15 іюня, въ концѣ литургіи, священникъ, прочитавъ *указъ консисторіи*, произнесъ церковную анаѳему въ такихъ выраженіяхъ:

„Во Имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Истинно учащая и спасительно вѣрующая *Православная Церковь* наша, Единая, Святая, Соборная и Апостольская, со скорбію матери, болѣзнующей о чадахъ своихъ, *моими устами,* ея недостойнаго служителя, *извѣщаетъ* вѣрныхъ чадъ своихъ, что прошедшаго лѣта, отъ Р. Хр. 1906 г., жители деревни Буртина, новоград-

волынскаго уѣзда, волынской епархіи (слѣдуютъ имена), отдѣлились отъ истинной Церкви Божіей и пристали къ врагамъ ея.

„Сами, отлучившіе себя, сіи отметники Церкви Христовой Апостольской, преемственно, другъ-друго-пріимательно, отъ Самого Христа Спасителя нашего полученною властію архіерея нашего, архіепископа Антонія, да будутъ и въ правду отлучены отъ Святой Православной Церкви, недостойны и лишены освящающей благодати, коею втуне были духовно вспмооществуемы въ ея спасительныхъ священнодѣйствіяхъ, и тако да будутъ отъ православнаго стада и отъ Церкви Божіей дотолѣ отсѣчены, дондеже не вразумятся и съ сокрушеннымъ сердцемъ и нелицемѣрнымъ покаяніемъ въ безмѣрномъ грѣхѣ отреченія отъ православнаго исповѣданія своего Спасителя и Господа возвратятся въ ея спасительную ограду.

„Вы же, вѣрныя и православныя чада Святой нашей Церкви, всегда памятуйте, яко по первомъ и второмъ вразумленіи отступниковъ, поправшихъ Сына Божія и оскорбившихъ Духа благодати, должно вамъ всячески остерегаться и удаляться, яко мытарей и язычниковъ, и изъять ихъ изъ среды свой, ибо, по предостереженію святаго апостола, малая закваска кваситъ все тѣсто.

„Вси поименованныя лица отлучаются отъ Господа Іисуса Христа и Его вѣчной жизни и предаются анаѳемѣ. Аминь“.

Пѣвчіе пропѣли три раза: „анаѳема“.

Послѣ этого былъ отслуженъ молебенъ „о заблудшихъ“, а по окончаніи молебна было *пояснено*, что отпадшіе отъ православія не потому перешли въ ка-

толичество, что вполнѣ уразумѣли эту вѣру и нашли въ ней превосходство, но единственно по наговору своихъ сосѣдей и родственниковъ-католиковъ, смутившихъ ихъ ложными разсказами и мечтаніями о своей Польшѣ и о своей вѣрѣ, и *что анаѳема не есть церковное проклятіе*, какъ многіе думаютъ, а она есть только послѣднее и рѣшительное средство со стороны Святой Церкви для вразумленія и направленія нѣкоторыхъ своихъ членовъ, и она ихъ можетъ опять принять въ свое лоно, если они сознаютъ свою виновность, заблужденіе и гибельность своихъ путей,— о чемъ она и молится—объ обращеніи таковыхъ.

Рядъ грустныхъ недоумѣній возбуждаетъ это извѣстіе. Во-1-хъ, совсѣмъ непонятно — какой церковной актъ совершенъ былъ 15 іюня въ одномъ изъ православныхъ храмовъ волынской епархіи — *отлученіе ли отъ церкви* въ его самой тяжкой формѣ, или же здѣсь *только представлено было наглядное изображеніе* того акта, который называется анаѳемою—съ цѣлью устрашенія и вразумленія? По началу корреспонденціи выходитъ первое, а по концу — второе. По началу отпадшіе отлучены отъ Господа Іисуса Христа и Его вѣчной жизни властію и судебнымъ приговоромъ волынскаго архіепископа, приведеннымъ въ исполненіе всенародно въ храмѣ делегатомъ архіепископа, мѣстнымъ іереемъ; а по концу корреспонденціи — вся процедура анаѳемы окончилась молебнымъ объ отпадшихъ, которые слѣдовательно не прокляты, не отлучены отъ Господа Іисуса Христа и не изъяты изъ среды православной церкви. Что это за сочетаніе анаѳемы съ молебномъ? Можно ли такъ профанировать православное богослуженіе?!

Въ 2-хъ, возбуждаетъ недоумѣніе—какъ это православный архипастырь и его делегатъ рѣшились одинъ, сидя у себя въ кабинетѣ, почеркомъ пера, безъ разслѣдованія дѣла, а другой — всенародно и въ отсутствіи подсудимыхъ отлучить нѣсколько лицъ отъ Господа нашего Іисуса Христа за то, что, по уговору родственниковъ, они перешли въ „латинство“, т.-е. въ католическую церковь? Да развѣ они своимъ переходомъ въ католицизмъ перестали вѣровать въ Господа Іисуса Христа, отреклись отъ Него?

Наконецъ, еще болѣе грустное недоумѣніе возбуждаетъ эта легкомысленная профанація православнаго обряда по своей цѣли—разжечь религіозную братоненавистническую вражду между двумя важнѣйшими христіанскими вѣроисповѣданіями: какая пища дается этимъ образомъ дѣйствовать врагамъ христіанства, какой соблазнъ колеблющимся въ христіанствѣ! Какъ могъ упустить изъ виду это миссіонерское соображеніе предсѣдатель миссіонерскаго съѣзда, предписывая своимъ іереямъ объявлять анаѳему по усмотрѣнію?!

Весьма желательно бы получить разъясненіе этихъ недоумѣній.

„Г. М.“ № 179, 1908 г.

Принципъ религіозной свободы—каноническій принципъ.

Проведенію въ наше законодательство принципа свободы совѣсти и религіозной свободы угрожаетъ, повидимому, большая опасность со стороны крайнихъ правыхъ членовъ Думы, поддержанныхъ большинствомъ членовъ IV миссіонерскаго съѣзда. Для наступающей сессіи Государственной Думы назрѣлъ прецедентъ—не желательный. Если со стороны православнаго духовенства и представителей церковнаго правительства послѣдуетъ въ Думѣ рѣзкая и энергическая оппозиція министерскимъ законопроектамъ и большинству членовъ вѣроисповѣдной комиссіи, то—возможное дѣло—что проведеніе принципа религіозной свободы хотя на нѣкоторое время затормозится, и оппозиція восторжествуетъ свою побѣду.

Насъ положительно ужасаетъ, однако же, эта возможная побѣда, ужасаетъ потому, что грозитъ большою бѣдою... не принципу религіозной свободы, а, наоборотъ,—всей православной церкви и, въ особенности, ея іерархіи и духовенству, т.-е. временнымъ побѣдителямъ.

Не то время мы переживаемъ, чтобы великій принципъ свободы личности (во всѣхъ отношеніяхъ) уступилъ какой-либо силѣ — внутренней или внѣшней. Весь человѣческій родъ охваченъ, такъ сказать,

обаяніемъ предъ красотою этого принципа. Самыя бѣдныя, низменныя въ расовомъ и культурномъ отношеніяхъ, племена стремятся къ свободѣ, стремятся дѣятельно, не щадя своихъ экономическихъ силъ, своей жизни. И государственная политика сильныхъ передовыхъ націй уже сознала, въ качествѣ аксіомы положеніе, что мощь самой государственной власти, въ настоящее время, опирается не на подавленіе личности, а на обезпеченіи, гарантіи ея свободы. Политически сильно то государство, которое состоитъ изъ свободныхъ гражданъ, а не изъ подданныхъ-рабовъ. Любовь къ отечеству, патріотизмъ — въ той странѣ, гдѣ дѣйствуетъ эта политика. Думается, что, разъ признана эта аксіома нашимъ правительствомъ и большинствомъ нашей Думы, нашему меньшинству весьма трудно оппонировать.

Уже одно это простое соображеніе должно бы охладить оппозиціонный пылъ нашихъ правыхъ православныхъ членовъ Думы: какое будущее готовятъ они нашей государственности, нашему національному положенію въ средѣ культурныхъ націй?!

Но насъ занимаетъ не будущее государства, а будущее церкви, именно православной церкви. Что явится результатомъ возможной побѣды оппозиціи? Воочію всего міра выявится, такъ сказать, фактъ, что только православная церковь боится религіозной свободы; всѣ же прочія вѣроисповѣданія, секты и религіи домогаются ея. Мало того, и внутри самой церкви наиболѣе просвѣщенные мірскіе члены ея не боятся религіозной свободы; боится ея только весьма незначительное число фанатически-настроенныхъ миссіонеровъ, да церковное правительство. Не явится

ли, далѣе, этотъ фактъ очевиднымъ свидѣтелемъ того, что въ оппозиціи духовенства и іерархіи сильнѣйшимъ мотивомъ служитъ не интересъ православной церкви, какъ общества, дорожащаго опредѣленнымъ культомъ Христа, а болѣе узкій и низменный—клерикальный интересъ? Повидимому, такъ. А разъ выявится этотъ фактъ—бѣды для православной церкви неисчислимы...

Но, можетъ быть, незначительная сумма оппозиціонеровъ, т.-е. правые священники Думы, большинство миссіонеровъ и взявшіе силу іерархи и составляютъ ядро православія, истинные его представители? Можетъ быть, за ними—истина, чистота и вѣрность православнаго церковнаго сознанія?

Нѣтъ и нѣтъ!.. Имъ нельзя отказывать въ ревности о вѣрѣ и цо вѣрѣ, но эта ревность невысокаго достоинства и не имѣетъ для себя опоры въ основныхъ кодексахъ православія. Въ доказательство этого я не буду ссылаться на Новый Завѣтъ — общее достояніе всѣхъ христіанскихъ исповѣданій. Я сошлюсь лишь на слѣдующія слова спеціально православнаго каноническаго кодекса:

„Да не преступаются правила Отецъ, да не вкрадывается подъ видомъ священнодѣйствія надменность власти мірскія; и да неупратимъ по мало не примѣтно тоя свободы, которую даровалъ намъ кровію Своею Господь нашъ Іисусъ Христосъ, Освободитель всѣхъ человѣковъ“ (III Вселенск. соб., прав. 8).

Вотъ по-истинѣ золотыя слова спеціально православнаго каноническаго кодекса, опредѣляющія духъ и крайнюю цѣль церковнаго права, канонической іерархіи, администраціи, суда и всего каноническаго

строя. Весь смыслъ церковнаго права въ томъ, чтобы гарантировать свободу исповѣданія вѣры во Христа, купленную Его святою кровію для всего человѣчества.

Положительно недоумѣваешь, какъ не замѣчаютъ этихъ завѣтовъ православія современные ревнители его?!

Въ этомъ же каноническомъ, спеціально православномъ кодексѣ сохранилась и слѣдующая краткая замѣтка, отмѣчающая давній историческій фактъ, но назидательный и для XX вѣка: *„въ сіе время* (начало V вѣка), *изданъ законъ, да по свободному произволенію каждый воспріемлетъ подвигъ христіанства“*. (Карф. соб., прав 122).

Вотъ объ изданіи какихъ законовъ должны ходатайствовать ревнители православія передъ царями и народами.

Православная іерархія и духовенство должны выступать борцами за принципъ религіозной свободы и свободы совѣсти именно въ интересахъ воспитанія истиннаго религіознаго сознанія и чистаго религіознаго чувства и ратовать только противъ злоупотребленія этими великими принципами, отъ кого бы эти злоупотребленія ни исходили: отъ иновѣрцевъ или нѣкоторыхъ недостойныхъ членовъ самой церкви, даже—ея іерархіи. Таковъ духъ церковнаго права и законодательства.

„Г. М.“ № 187, 1908 г.

Оппозиція религіозной свободѣ.

Принципъ религіозной свободы, возвѣщенный міру христіанствомъ, въ сферахъ политической и религіозной былъ такою же поразительною новостію, какою въ естествовѣдѣніи было открытіе, что не солнце движется вокругъ земли, а наоборотъ. Если Галилей „міръ сдвинулъ съ мѣста“, то Евангеліе своимъ ученіемъ о Творцѣ міра какъ Отцѣ, близкомъ каждому человѣку, явилось поистинѣ солнцемъ, освѣтившимъ и согрѣвшимъ холодную лунную ночь, въ которой блуждало человѣчество, ища Бога тутъ и тамъ, и все напрасно.

Но какъ ни страннымъ казалось открытіе Галилея, все-таки человѣчество сравнительно скоро стало свыкаться съ мыслью, что родная мать-земля—не грузно лежащая громада, а воздушный корабль, носящійся въ небесномъ океанѣ съ такою головокружительною быстротою, какой позавидовалъ бы самый быстрый автомобиль...

Далеко не такъ-то легко свыкалась человѣческая мысль съ ученіемъ Христа, что поклоняться Отцу духомъ и истиною можно вездѣ, что это—Его высо-

кій даръ каждому человѣку, даже и такому темному въ богословіи и легковѣсному въ нравственномъ поведеніи, какъ жена самарянина (Іоан. IV, 21).

За доказательствами уходить въ глубь вѣковъ минувшихъ излишне. Переживаемый моментъ представляетъ наглядное удостовѣреніе, что и нынѣ въ нѣкоторыхъ нашихъ политикующихъ и даже богословствующихъ умахъ великій христіанскій принципъ еще неудобно вмѣщается.

Насъ мало занимаютъ политикующіе умы; до острой боли насъ поражаетъ упорство богословствующихъ мыслителей въ борьбѣ съ этимъ принципомъ, лучше сказать—съ этою христіанскою святынею, на которой, какъ на одной изъ основъ, зиждется каноническая организація самой православной церкви. Какія такія непреодолимыя препятствія въ ихъ сознаніи мѣшаютъ имъ открыто исповѣдывать и быть вѣрными этому принципу, разъ они—православные христіане?

Если не ошибаемся, свою оппозицію эти богословствующіе мыслители основываютъ на слѣдующихъ данныхъ:

1) Наши сибирскіе инородцы только и держатся православія потому, что всѣ другія вѣры—запрещены: какъ скоро имъ будетъ объявлено, что такое запрещеніе отмѣнено, такъ всѣ и обратятся въ буддизмъ, магометанство и проч. Ламы, муллы не преминутъ воспользоваться младенчествующимъ умомъ этихъ полудикарей въ своихъ интересахъ.

2) Съ объявленіемъ закона о свободѣ вѣроисповѣданій послѣдовали массовыя уклоненія изъ православія въ католичество, магометанство, усилились старообрядцы, сектанты, ереси.

3) Одновременно съ этимъ, въ средѣ интеллигенціи невѣріе подняло свою голову, заявляетъ о себѣ хулами, издѣвательствомъ надъ православіемъ, проникло въ массы темнаго люда, особенно фабричнаго, результатомъ чего явилось небывалое доселѣ одичаніе нравовъ.

Все это надѣлала свобода; нужно, стало быть, обуздать ее. И вотъ въ мыслящихъ умахъ складывается, повидимому, такая петиція: „Государь! Прикажи всѣмъ своимъ подданнымъ быть такими же православными, какъ мы; иначе погибнетъ все: и православіе, и самодержавіе, и народность, и будетъ какъ во Франціи".

Насколько сильны посылки и остроумно заключеніе — разсматривать не будемъ по той простой причинѣ, что если бы мы занялись этимъ дѣломъ, то наполнили бы столбцы „Голоса Москвы" такой скукой, которая отняла бы у него всѣхъ читателей.

Въ такого рода мышленіи интересъ представляетъ не самая логическая техника, а та психологическая подпочва, которая произрастила эту технику; эта подпочва—чувство страха: оно парализовало память и способность ориентироваться въ нѣсколько не обычномъ положеніи.

Что революція (а отнюдь не Высочайшій манифестъ о свободѣ вѣроисповѣданій) налетѣла и на церковный корабль своими волнами и еще продолжаетъ налетать — это, кажется, не можетъ подлежать сомнѣнію. Но развѣ нашъ церковный корабль не испытывалъ подобныхъ бурь? Развѣ онъ такъ плохъ, что можетъ плавать только въ стоячей водѣ?

Для православнаго христіанина должны быть по-

стыдны такая трусость, такое малодушіе, такая растерянность и безтактность!

Но что же дѣлать?

Во-первыхъ побороть чувство страха, хотя бы даже—если нужно - съ медицинскою помощью,—во вторыхъ, горячо привѣтствовать Государя за родной, а не чуждый церкви даръ свободы; въ-третьихъ, устремить всю энергію спокойной, нормальной мысли на использованіе этого высокаго дара къ приспособленію церковнаго корабля къ новому положенію, съ тою цѣлью, чтобы онъ не боялся волнъ, а смѣло и бодро шелъ всюду, спасая погибающихъ въ волнующемся морѣ.

„Г. М.“, № 219, 1908 г.

Недугъ юношества.

Какъ слѣдуетъ относиться къ учащейся интеллигенціи православному духовенству.

Однимъ изъ тяжкихъ недуговъ общественнаго нашего уклада, порожденнаго минувшей революціей, служитъ безучастіе общества къ тяжелой борьбѣ за жизнь физическую и духовную, какую ведетъ большинство нашего юношества того и другого пола, подвизающагося въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ мужскихъ и женскихъ. Большинство этого юношества—бѣдняки.

Обратите вниманіе на то,—что это въ большинствѣ за типы по своему нравственному настроенію. Это—юноши и дѣвицы, оставившіе свои дома, милыхъ сердцу бѣдняковъ, какъ и они сами, отказавшіеся отъ всѣхъ позывовъ къ жизнерадостному препровожденію времени, къ какому зоветъ ихъ благодатный возрастъ,—отказавшіеся добровольно ради одной высокой цѣли — развить во всей силѣ данные Богомъ таланты, быть честными и полезными обществу и родинѣ людьми на разнообразныхъ поприщахъ служенія и въ награду за это чающіе получить въ буду-

щемъ только закономъ и штатами опредѣленное обезпеченіе, которое они еще подѣлятъ со своими ближними.

Какой аскетическій образъ жизни ведутъ эти юноши — достаточно извѣстно обывателямъ столицъ; не мало было и писано объ этомъ. Въ послѣднее время, послѣ революціи, бѣдственное положеніе нашего учащагося юношества особенно увеличилось и бываетъ полно по временамъ настоящаго трагизма. Своимъ участіемъ въ такъ-называемомъ освободительномъ движеніи, своими забастовками, университетское и курсистское юношество значительно вооружило противъ себя общество; отшатнулись отъ него и прежніе благотворители; заработки посредствомъ уроковъ и репетированія упали, понизились въ цѣнѣ. И вотъ цвѣтъ нашей націи, соль нашей земли—наше юношество къ физическимъ страданіямъ холода и голода должно еще присоединить и нравственную муку, терпѣливо сносить кличку бунтовщиковъ, враговъ отечества...

Да, это—трагизмъ.

Кто же долженъ придти на помощь этимъ духовнымъ подвижникамъ знанія и чести?

Конечно, прежде всего государство. Но у насъ на Руси есть и еще учрежденіе, которому нелегкая судьбина духовныхъ тружениковъ должна быть особенно близка. Это учрежденіе—православная церковь въ цѣломъ ея объемѣ—т.-е. пастыри и ихъ паствы..,

Но вѣдь студенты и курсистки, какъ это часто говорятъ—атеисты, либералы, ницшеанцы, соціалисты, анархисты, враги церкви? Какъ же можетъ служитель церкви благотворить имъ?

На это должно отвѣтить слѣдующее: во-первыхъ, они далеко не всѣ таковы: есть между ними люди— глубоко-религіозно настроенные, прямо благочестивые; во-вторыхъ, и относительно тѣхъ, которые выдаютъ себя за атеистовъ, соціалистовъ и т. д., даже бравируютъ этими кличками, не нужно упускать изъ виду прежде всего ихъ возрастъ, и переживаемый ими моментъ духовнаго развитія. Это моментъ высокаго подъема интеллектуальныхъ и моральныхъ силъ, моментъ напряженной ихъ работы, характеризующійся сомнѣніемъ во всемъ, испытаніемъ всего, недовѣріемъ ни къ чему, кромѣ собственныхъ силъ, своему я, безгранично сильному, способному побѣдить всякія препятствія .. Чѣмъ окончится, куда приведетъ этотъ подъемъ духовной энергіи ея носителя — совершенно неизвѣстно никому. Не спѣшите же зачислять его въ атеисты, соціалисты и т. д. даже на основаніи собственныхъ и искреннихъ его показаній. Весьма естественно, что онъ пройдетъ разныя ступени, радикально противоположныя, одна другую исключающія сферы міровоззрѣній прежде чѣмъ придетъ къ окончательнымъ выводамъ, закончитъ свой процессъ духовнаго броженія. Вѣдь весною всѣ рѣки и ручейки стремительны, мутны, неопредѣленны по цвѣту и вкусу своихъ водъ: лѣтомъ и осенью они становятся чистыми, ясными, спокойными, опредѣленными. Такъ и здѣсь. Дайте на время свободу и удобство совершиться *внутреннему* духовному, можетъ быть весьма бурному процессу броженія; въ отношеніи къ переживающему его воспитывайте въ себѣ одно настроеніе любви и ожиданія, что во время осени онъ

напоитъ васъ чистою живою водою своихъ знаній, своей честности, своей любви.

Для православнаго пастыря интеллигентное юношество должно быть особенно дорого въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, это—люди, покорившіе—выражаясь церковнымъ языкомъ — плоть духови. Во-вторыхъ, это — дѣти христіанскихъ родителей, можетъ быть священниковъ, обездоленныхъ нуждою, многосемейностью, или круглые сироты.

Первая черта дорога для православнаго пастыря потому, что онъ по званію своему есть попечитель и и врачъ душъ; о спасеніи душъ онъ молится болѣе всего при каждомъ богослуженіи, за нихъ онъ долженъ полагать жизнь свою. Но вѣдь они — атеисты! Да хотя бы и такъ. — Самъ онъ въ такомъ случаѣ долженъ быть неподвиженъ, какъ скала, твердъ въ исповѣданіи своей вѣры, истовъ въ исполненіи каждаго обряда; но онъ долженъ быть неподвиженъ и въ безкорыстной любви христіанской даже и къ заблуждающимся или только шатающимся въ вѣрѣ и нравахъ юношамъ. Развѣ христіанка мать не видитъ нерѣдко въ своихъ дѣтяхъ атеистовъ, но развѣ перестаетъ черезъ это видѣть въ нихъ своихъ дѣтей? Такъ и любовь пастыря къ христіанскимъ дѣтямъ должна быть неистощима, какъ любовь материнская.

Вторая черта—бѣдность, особенно сиротство положительно обязываетъ пастыря къ дѣятельному участію, обязываетъ изощряться въ средствахъ изобрѣтенія имъ помощи.

Первичный каноническій кодексъ, такъ-называемыя апостольскія постановленія посвящаютъ цѣлую книгу выясненію этого пастырскаго долга. „Вы—пастыри—

больше всего заботьтесь о сиротахъ, чтобы ни въ чемъ не было у нихъ недостатка; имѣйте о нихъ попеченіе, какъ родители. (Апост. Постановл., кн. V)".

Но какъ же фактически, внѣшнимъ образомъ, пастырь можетъ въ настоящее время выявить свою дѣятельную любовь къ нуждающейся интеллигенціи? Отвѣтъ не труденъ. У него есть свои, чисто-духовныя, такъ сказать священническія средства будить сердца своихъ состоятельныхъ пасомыхъ, располагать къ помощи бѣдствующему юношеству устройствомъ удешевленныхъ квартиръ, столовыхъ, открытіемъ долгосрочнаго кредита. Можно вполнѣ ручаться, что это надежные должники, хотя въ моментъ своего задолжанія и не имѣющіе ничего представить въ обезпеченіе долга, кромѣ честнаго слова.

Читатель, можетъ быть, подумаетъ, что я предлагаю нѣчто очень оригинальное, фантастичное. Отнюдь нѣтъ. Говоря это, я имѣю въ виду готовый образецъ: болѣе 25-ти лѣтъ при московской духовной академіи существуетъ братство пр. Сергія, покровительствующее недостаточнымъ студентамъ академіи и вообще бывшимъ ея воспитанникамъ всѣми вышеперечисленными способами. Въ составѣ его членовъ почетныхъ, пожизненныхъ, дѣйствительныхъ есть преосвященные архіереи, архимандриты, игумены, игуменьи, священники, діаконы, міряне, богатые и бѣдные. Ихъ щедрыми жертвами, собираемыми преимущественно чрезъ московскихъ священниковъ и благочинныхъ, стоитъ и дѣйствуетъ братство. Что движетъ этихъ добрыхъ людей въ ихъ щедрыхъ приношеніяхъ? Безъ сомнѣнія чистая, безкорыстная христіанская любовь... къ юношеству академіи. Но развѣ учащіеся труженики и

труженицы другихъ высшихъ учебныхъ заведеній заслуживаютъ меньшихъ симпатій! Да не будетъ сего.

Отчего же бы, поэтому, не возникнуть по иниціативѣ московскихъ священниковъ, напримѣръ, братству муч. Татіаны, для помощи бѣдствующей учащейся интеллигенціи столицы?

Безкорыстная христіанская любовь къ христіанскому юношеству — вотъ единственный девизъ на томъ знамени, подъ которымъ должно дѣйствовать православное духовенство въ этой духовной средѣ.

„Г. М.“ № 216, 1908 г.

Государство и внѣисповѣдные.

Вопросъ о невѣрующихъ, или точнѣе „внѣисповѣдныхъ“ (confessionslose) представляетъ весьма трудную задачу нашей внутренней политики въ дѣлѣ проведенія его въ законодательство великаго принципа свободы совѣсти и вѣроисповѣданій. Трудность ея характерно выражается въ слѣдующемъ уступительномъ періодѣ министерскаго проекта: „хотя необходимость полной свободы религіозныхъ убѣжденій считается обыкновенно положеніемъ, не требующимъ доказательствъ; но коль скоро, однако, вопросъ этотъ переходитъ съ чисто отвлеченной на практическую почву, положеніе его совершенно мѣняется и рѣшеніе его нерѣдко сводится къ признанію невозможности, или по крайней мѣрѣ несвоевременности, осуществленія въ нашей жизни логически общепринятаго начала“. (Министерскій проектъ № 1473, февраля 20, 1907 г.).

„Отвлеченная логика“ такимъ образомъ вступаетъ въ рѣшительный конфликтъ съ логикою жизни.

Которой же изъ нихъ отдать преимущество? Проектъ отдаетъ преимущество послѣдней. Проектъ ка-

тегорически заявляетъ, что предоставленіе возможности исповѣдывать избираемое (свободно) вѣроисповѣданіе и переходить изъ одной вѣры въ другую, отнюдь не можетъ влечь за собою разрѣшенія образованія класса людей „внѣисповѣдныхъ“, т.-е. вышедшихъ изъ какого-либо вѣроисповѣданія и не присоединившихся ни къ какому иному“.

Это категорическое рѣшеніе вопроса мы признаемъ безусловно вѣрнымъ, но, признавая всю силу мотивовъ, на коихъ оно опирается, мы не сомнѣваемся, что среди народныхъ представителей найдутся такіе, которые съ большимъ успѣхомъ будутъ возражать противъ этого рѣшенія и основаній, на которыя оно опирается.

Слабая, легко уязвимая сторона мотивировки заключается въ томъ, что рѣшеніе вытекаетъ не изъ принципа свободы совѣсти, а изъ утилитарныхъ соображеній, не изъ требованій „логики“ — раціональныхъ, а изъ требованій—жизни. Выходитъ даже какъ будто, что условія низкой степени культуры должны преодолѣть, хотя на время, требованія мудрости.

Въ виду этого, представляется далеко не излишнимъ вопросъ: кто тутъ грѣшитъ противъ разума: логика ли теоріи, или логика жизни?

По нашему мнѣнію, грѣшитъ первая, а отнюдь не послѣдняя.

Въ мышленіи теоретиковъ, требующихъ государственнаго признанія права на безрелигіозность или безконфессіональность заключается совершенно невѣрная посылка, будто совѣсть требуетъ абсолютной свободы. Абсолютная свобода есть нѣчто по существу невозможное для человѣка, если-бы даже онъ

изловчился такъ изолировать отъ себѣ подобныхъ, что очутился бы совершенно одинокимъ (монахомъ) среди пустыни. Душа человѣка не tabula rasa, которую по произволу можно исписать догматами и моральными правилами. Напротивъ, именно сама „совѣсть“ прежде и сильнѣе всего связала бы волю его, даже и одинокаго и настолько сильнаго духомъ, что онъ въ состояніи оказался бы преодолѣвать нѣкоторыя требованія своей физической, животной природы. Еще стоики подмѣтили, что „внутри насъ есть нѣкто предписывающій намъ законы, которымъ нѣтъ силъ противиться“. Этотъ упорнѣйшій врагъ абсолютной свободы, этотъ внутренній нашъ деспотъ и есть не кто иной, какъ именно „совѣсть“.

Во-вторыхъ, поклонники абсолютной свободы совѣсти нерѣдко смѣшиваютъ понятія: „религія“, „вѣра“, „вѣроученіе“, „религіозное убѣжденіе, короче — смѣшиваютъ понятія „религіи объективной“ и „религіи субъективной“. Между тѣмъ, эти понятія—весьма различныя. Напримѣръ, исповѣдники православной вѣры (точнѣе, церкви) представляютъ изъ себя религіозный союзъ, положимъ, въ 60 милліоновъ индивидуальностей. Общимъ цементомъ, связующимъ ихъ въ цѣлое, служатъ: вѣра во Христа, культъ, организація, дисциплина, мораль. Это связанное цѣлое есть религія въ объективномъ смыслѣ. Но затѣмъ каждая изъ индивидуальностей, составляющихъ это цѣлое, внутри себя, субъективно связывается съ этимъ цѣлымъ и его элементами совершенно по своему: у одного болѣе чистыя и глубокія представленія и понятія о всѣхъ этихъ элементахъ, у другого менѣе, одинъ болѣе религіозенъ,

т.-е. глубоко къ сердцу принимаетъ каждую заповѣдь церкви, другой на столько „окаменѣлъ сердцемъ“, что только номинально или формально сынъ церкви, а de facto—хуже язычника и мытаря. Эта „субъективная вѣра“, или религія—полная собственность индивидума; тутъ единственный господинъ — собственная его совѣсть. Никакая человѣческая власть, ни церковная, ни государственная, не въ силахъ принудить человѣка измѣнить какъ-либо его субъективную вѣру, потому, что она безсильна даже и знать ее, пока самъ онъ ее не откроетъ—такъ или иначе. Въ признаніи этого господства индивидуальной совѣсти и состоитъ сущность принципа свободы совѣсти.

Иное дѣло — принципъ религіозной свободы. Онъ имѣетъ въ виду именно объективную религію, какъ организованный религіозный союзъ (людей съ Богомъ). Сущность его состоитъ въ томъ, чтобы государство гарантировало свободу каждой религіи дѣйствовать своими средствами, въ цѣляхъ воздѣйствовать на своихъ сочленовъ, охранять свое statu quo, со внѣ и изъ внутри, и даже дѣйствовать агрессивно, расти, пріумножаться въ числѣ (самозащита и прозелитизмъ).

Какъ ни различны эти два принципа, но они не исключаютъ другъ друга, а входятъ въ гармоническое сочетаніе. Ибо не что иное, какъ именно индивидуальная совѣсть, и побуждаетъ человѣка сильнѣе всего примкнуть къ тому или иному религіозному союзу: обо одному и въ дѣлѣ религіи жить нельзя, какъ нельзя человѣку жить внѣ какого бы то ни было государства. Далѣе, та же совѣсть принуждаетъ человѣка не только формально примкнуть къ тому

или иному религіозному союзу, но и добровольно подчиняться общепринятымъ въ этомъ союзѣ нормамъ.

Такова правильная логика принципа свободы совѣсти и свободы вѣроисповѣданій.

Теперь легко уже рѣшить вопросъ: что же получится съ такъ-называемыми „внѣисповѣдными“ при проведеніи этого принципа въ законодательство?

Они окажутся въ безвыходномъ, изолированномъ и безпомощномъ положеніи, если станутъ какъ-либо заявлять о своемъ безбожіи: противъ нихъ будутъ исповѣдники всѣхъ религій, а за нихъ — никто. Но можетъ быть правительство возьметъ ихъ подъ свою защиту? Но и ему сдѣлать этого никакъ нельзя, ибо оно окажется въ противорѣчіи самому себѣ, разъ оно обязалось гарантировать свободу вѣроисповѣданій.

Такимъ образомъ, правильное проведеніе въ законодательство принципа свободы совѣсти и религіозной свободы приведетъ не къ ослабленію религіозности, а къ усиленію, не къ наращенію безбожія, а къ его уничтоженію.

Намъ могутъ возразить, что въ Западной Европѣ проведеніе этого принципа какъ разъ совпало съ наращеніемъ безконфессіональныхъ.

Но въ этомъ довольно распространенномъ мнѣніи есть маленькое недоразумѣніе: классъ безконфессіональныхъ народился тамъ не вслѣдствіе проведенія въ законодательство принципа свободы совѣсти, а совсѣмъ отъ другихъ причинъ, а именно: отъ глубокой религіозной вражды внутри самого христіанства (реформація) и т. н. культурной борьбы. Проведеніе принципа свободы совѣсти тамъ слишкомъ запоздало,

да и сдѣлано далеко не безукоризненно, напримѣръ, Франція обидѣла католицизмъ, Австро-Венгрія тѣснитъ православныхъ славянъ.

Въ нашемъ государствѣ такихъ явленій не было; вслѣдствіе этого народъ нашъ, или, лучше сказать, народы наши несравненно религіознѣе западныхъ, не такъ еще „повредились въ вѣрѣ“, и проведеніе принципа свободы совѣсти у насъ еще не запоздало, а явилось во время.

„Г. М.“ № 250, 1908 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

По поводу слуховъ о соборѣ русской православной церкви. 5
Автономія церкви..... 11
Нужды провинціальной церковной жизни..... 15
Обезпеченіе бѣлаго духовенства..... 19
Церковный вопросъ Закавказья..... 25
Благовѣщенское разореніе..... 31
Крайности централизаціи церковнаго управленія..... 35
Анаѳема по усмотрѣнію..... 40
Принципъ религіозной свободы—канонической принципъ... 44
Оппозиція религіозной свободы..... 48
Недугъ юношества..... 52
Государство и внѣисповѣдные..... 58

Дмитрій Дриль. Преступность и преступники. (Уголовно-психологическіе этюды). Изд. 2-е. СПБ. 1899 г. VI+294 стр. Ц. 1 р. 20 к.

Я. Канторовичъ. Средневѣковые процессы о вѣдьмахъ. Изд. 2-е. СПБ. 1899 г. IV+222 стр. ц. 1 р.

Дѣло Генсберга съ Даебахомъ. Споръ о іезуитскомъ принципѣ „Цѣль оправдываетъ средства". СПБ. 1905 г. Ц. 30 к.

Дѣло Эмберовъ. („Величайшее мошенничество столѣтія"). СПБ. 1903 г. Ц. 50 к.

А. Левенстимъ. Суевѣріе и уголовное право. Изд. 2-е. СПБ. 1899 г. IV+176 стр. Ц. 80 к.

Д-ръ Эмиль Лоранъ. Тюремный міръ. (Типы и характеристики) Переводъ съ французк. Изд. 2-е. СПБ. 1899 г. XII+370 стр. Ц. 1 р. 60 к

Д-ръ С. Фишеръ. Человѣкъ и животное. Этико-юридическій очеркъ. Изд. 2-е. СПБ. 1899 г. VIII+280 стр. Ц 1 р. 20 к.

Проф. І. Экштейнъ. Честь въ философіи и правѣ. Изд. 3-е. СПБ. 1899 г. 136 стр. 80 к.

Д-ръ С. Фишеръ. Гипнотизмъ въ правѣ. СПБ. 1899 г. Изд. 2-е. VI+160 стр. Ц. 1 р.

Проф. А. Эспинасъ. Исторія политико-экономическихъ доктринъ. Изд. 2-е. СПБ. 1899 г. IV+216 стр. Ц. 1 р.

Проф. Ф. Гольцендорфъ Общественное мнѣніе. Изд. 3-е. СПБ. 1899 г. 130 стр. Ц. 80 к.

Грейлихъ. О матеріалистическомъ пониманіи исторіи. СПБ.

Проф. Н. Райхесбергъ. Соціализмъ и Анархизмъ. СПБ. 1906 г. 32 стр. 8 к.

І. Б. Мархлевскій. Что такое политическая экономія и чему она учитъ. Изд. 2-е. СПБ. 1906 г. 40 стр. Ц. 6 к.

(Sweating: As cause and remedy) Рабочая кабала въ Англіи. Причина этого экономич. зла и мѣры къ его устраненію. Перев. съ англ. подъ редакціей М. И. Туганъ-Барановскаго. СПБ. 1900 г. 40 стр. Ц. 25 к.

Профес. А. Васильевъ. Николай Ивановичъ Лобачевскій. Казань. 1894 г. 40 стр. Ц. 50 к.

Куно, Фишеръ. Введеніе въ исторію новой философіи. Переводъ съ 4-го нѣмецк. изданія В. А. Попова. М. 1900 г. 154 стр. Ц. 1 р.

Книжный магазинъ М. С. Елова, въ Сергіевскомъ пос. Моск. губ. высылаетъ всѣ книги, существующія въ продажѣ по объявленнымъ цѣнамъ (пересылка за счетъ покупателей.)